

в частности на фотографии в 13-й строке ясно читается вместо eugie («владыке») имя хорошо известного урартского бога Куера; согласно этому, и во 2-й строке нужно восстановить не eugie (как у Леманн-Хаупта), а ^Dquega. Итак, на самом деле, мы должны читать в этой надписи, стк. 1—4: [^Dhal-di-e ^Dqu-e-ra ^Ime-nu-ú-a-še ^Iiš-p[u-u-i-ni-ħi-ni-še] i-ni p[u-lu-si ku-gu-ni] и при повторении в стк. 12—15: ^Dhal-di-[i-e] [^D qu-e-ra ^Ime-n[u-ú-a-še] ^Iiš-pu-u-i-ni-ħ[i-ni-še] i-ni pu-lu-si k[u-gu-ni], т. е. «Богу Халди(и) богу Куера Менуа сын Ишпуни эту надпись написал». Таким образом, получается, что в этой надписи мы имеем случай (пока что единственный) установления урартским царем посвяжительной стелы-надписи сразу двум богам — богам Халди и Куера.

Г. А. Меликишвили

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В СЕЛЕНИИ АХРИСИ (КАРТЛИ)

В первых числах сентября 1947 г. студент Горийского Педагогического института им. Н. Бараташвили Наскида Хомасуридзе сообщил, что летом этого года крестьяне нашли около селения Ахриси древнее погребение, где обнаружили железные орудия, золотые и серебряные монеты, а также золотое кольцо, стеклянную посуду и пр. 12 сентября этого же года я осмотрел место находки, которое расположено на расстоянии 3—4 км от села Меджврисхеви. Место это называется «Туркебули» и принадлежит к селению Ахриси. Здесь протекает речка Хача-цкали, у берега которой между селениями Ахриси и Мумлаант-кари и было найдено это древнее погребение. На южной стороне речки явно заметны следы древнего погребения с частями разрушенных костяков и битой глиняной посудой.

О находке этого погребения Т. Гогшвили рассказал следующее. Погребение было найдено детьми на южном берегу речки. Они нашли металлическое блюдо, в котором лежали золотое кольцо, одна золотая и три серебряные монеты. Около блюда нашли серебряную пряжку, стеклянную посуду, так называемые слезницы, одну цельную, а другую разбитую, а также железный топор и лемех. Дети откопали из погребения глиняную битую посуду и черепа с частями скелета. Золотое кольцо, по словам Гогшвили, имело камень с изображением, но во время осмотра дети перессорились из-за кольца, камень выпал, полетел в речку и затерялся. Разбили на куски и серебряное блюдо, которое было тонким и довольно большим; остался от него только один кусок. Глубина погребения 1,5 м. Почва рыхлая и легко разрушается. Погребение — грунтовое и, по рассказам находчиков, форму его установить трудно.

Найденный инвентарь хранится в Горийском Историко-этнографическом музее и состоит из следующих предметов.

1. Золотая монета — грубое подражание статеру Александра Македонского (д. 17 мм, вес 3,98 г); ав: схематическое изображение мужского головного профиля с шевелюрой; около носа и подбородка по две точки, а около уха одна (вроде серьги); гв: стоящая крылатая фигура с рогатиной, по сторонам по две точки; изображение рельефное; монета отлита, ободок точеный и плоский¹.
2. Золотое кольцо массивное, овальной формы, имеет гнездо для камня, который выпал (д. 2 см, толщина 0,5 × 1,5 см, гнездо 0,8 × 0,13 см, вес 13,02 г); это кольцо-печать, свободно помещающееся между большим и указательным пальцами.
3. Серебряная пряжка, круглой формы (д. 4 см), из круглой серебряной проволоки (оба конца загнуты спиралеобразно), имеет застежку и пуговку для ремня пояса.
4. Стеклянная слезница, зеленоватого цвета, с толстыми стенками; корпус круглый, с высоким горлом (выс. 12 см, край широкий, его д. 2 см).
5. Железный лемех, покрытый ржавчиной, наконечник отломан (дл. 29 см, а с наконеч-

¹ Вместе с этой монетой были найдены три серебряные, которые потеряны.

ником — 35 см). 6. Железный топор, согнутый, с широким лезвием, ушко квадратной формы (дл. 24 см, шир. лезвия 10 см, д. ушка — 2,5 см).

Золотых монет того же типа, что и найденная в Ахриси, представляющих собой грубое подражание монетам Александра Македонского, много найдено в Грузии, особенно в западной ее части (на территории древней Колхиды), где зарегистрировано около 45 экземпляров, но большинство из них — случайные находки, без указания места и времени, приобретенные от частных лиц¹.

Среди них около 7 экземпляров найдено в погребении в селении Геби (Верхняя Рача)², 13 экземпляров — в Клдеети (Имерети)³ и один экземпляр в Ахриси, в описанном нами погребении. Это первый случай находки такого типа золотой монеты на территории центральной Картли (древняя Иберия), причем монета эта найдена в погребении с характерным погребальным инвентарем. Монеты этого типа относятся к началу нашей эры⁴.

Кольца-печати, подобные найденному в Ахриси, обнаружены и в михетских погребениях⁵, а также в селении Уреки⁶. Но кольцо из Ахриси по форме и обработке имеет сходство с михетским, именно найденным в 1923 г. земо-авчальским золотым кольцом, у которого имеется гемма из красного агата. На этом агате вырезано изображение чаши с двумя ручками, наверху две сидящие птички⁷. Кольцо это относится к I в. н. э., поэтому кольцо из Ахриси можно датировать этим же периодом.

Тип слезницы, найденной в Ахриси, также часто встречается в Грузии, особенно в михетских погребениях, и относятся они также к I в. н. э.

Находку железного лемеха в погребении нужно считать первым случаем в центральной Картли. Эта находка дает представление о форме древнего лемеха в Грузии (Иберии). Железные лемехи в античных странах (Греция — Рим) появляются в середине железной эпохи⁸. По всей вероятности, и в древней Иберии железные лемехи должны были получить распространение в этот же период. Изучение этого лемеха по сравнению с современными грузинскими дает возможность предполагать, что он является прототипом древнегрузинского (иберийского) лемеха. Что касается топора, то, к сожалению, подобного типа железные топоры еще не опубликованы, поэтому мы не имеем возможности посредством сравнения установить его типологию. Есть основания предполагать, что он является прототипом древнегрузинского топора⁹.

Сравнительное изучение представленного здесь инвентаря дает возможность установить возраст ахрисского погребения. В этом отношении особенно ценны золотая монета и золотое кольцо, поскольку такая же монета и кольцо найдены в других по-

¹ А. Н. Зограф, Находки античных монет на Кавказе, ТОНГЭ, I (1945), стр. 54; он же, Античные золотые монеты Кавказа, ИГАИМК, вып. 110, стр. 181 (1935); Д. Капанадзе, О древнейших золотых монетах Грузии, ВДИ, 1949, № 3, стр. 167.

² Г. Гобеджишвили, Археол. раскопки в с. Геби (Шошети), ИИЯИМК АН Груз. ССР, IV, 3 (1939), стр. 360 (на груз. яз.).

³ Находки Клдеети хранятся в Гос. музее Грузии.

⁴ А. Н. Зограф, Находки античных монет на Кавказе, ТОНГЭ, I, стр. 54; Д. Капанадзе, О древнейших золотых монетах Грузии, ВДИ, 1949, № 3, стр. 160.

⁵ С. Макалатия, О датировке некоторых некрополей, найденных в Грузии в 1920—1924 гг., ИМГ, IV (1928), стр. 173—175, табл. VIII, 23, 24.

⁶ А. Апакидзе, Археол. памятники позднеантичного периода из Уреки, ИМГ, XIV-B (1947), стр. 91, рис. 1.

⁷ С. Макалатия, ук. соч., стр. 175, табл. VIII, 23, 24.

⁸ А. В. Арциховский, Социологическое значение эволюции сельскохозяйственных орудий, «Труды Социол. секции Инст. археол. и искусствознания», I (1927), стр. 131; Р. В. Шмидт, Очерки по истории горного дела и металлообрабатывающего производства в античной Греции, «Из истории материального производства античного мира», М.—Л., 1935, стр. 284.

⁹ Н. Рехвишвили, Грузинские топоры, ИМГ, XV-B (1948), стр. 91—114, рис. 14 (на груз. яз.)

гребениях в Гсби, Уреки, Бори, Клдеети и Мцхета¹, которые датируются там I—III вв. н. э. Поэтому и погребение из Ахриси нужно отнести к этому же периоду.

Но в этой датировке основной и исходной точкой является найденная в Ахриси золотая монета, которая представляет собой грубое подражание статеру Александра. Вопрос о происхождении этого типа подражаний пока еще не разрешен, не установлено ни место чеканки этих монет, ни откуда они распространялись. В буржуазной литературе Запада эти подражания давно были известны, но они рассматривались в одной группе с многочисленными и разнообразными европейскими (кельтскими) подражаниями и приписывались племенам придунайских стран или Балканского полуострова².

Советские ученые решительно выступили против этой точки зрения. А. Н. Зограф (ук. соч., стр. 181) считает эти подражания специфически кавказскими и приписывает их чеканку местным племенам. Е. А. Пахомов решительно высказывается в пользу местного происхождения этих монет³.

Таким образом, можно считать установленным, что эти подражания статерам Александра чеканились на Кавказе. И действительно, наиболее значительное число этих грубых подражаний найдено в пределах Кавказа. Но Кавказ — большая страна, и ставится вопрос: где же именно на Кавказе эти монеты чеканились и какое племя или народ чеканил их? От ответа на эти вопросы вышеуказанные авторы воздерживаются, так как не имеется достаточных данных историко-археологического характера, чтобы определить место их чеканки, а также указать на племя, которое чеканило их. Ни техника чеканки этих монет, ни изображение и другие их особенности не дают возможности положительно высказаться по этому вопросу.

Несмотря на это, Д. Капанадзе (ВДИ, 1949, № 3, стр. 156—159) и Г. Гобеджишвили (в неопубликованной диссертации) считают эти монеты золотыми колхскими монетами. К сожалению, оба эти автора не приводят достоверных фактов, которые позволили бы согласиться с их выводом. Г. Гобеджишвили указывает, что при образовании монархии Александра Македонского жители Западной Грузии (колхи) взамен серебряных колхидок перешли к чеканке более дорогого металла и начали чеканить золотые монеты, что могло быть, по его мнению, вызвано недостатком подлинных монет Александра и вместе с тем потребностью в золотых монетах. Однако это предположение требует обоснования достоверными фактами, которых у автора нет. В таком случае трудно разделить мнение автора, и критику такого предположения нужно считать бесполезной. Д. Капанадзе эти монеты прямо называет колхскими (грузинскими) золотыми монетами, однако фактов, подтверждающих это положение, не приводит и он. Он не указывает, какое из колхских племен чеканило эти монеты, и не рассматривает вопроса о том, имели ли эти монеты назначение денег, находились ли они в обращении как обязательный номинал в торговых взаимоотношениях и пр. Д. Капанадзе проходит мимо этих вопросов и дает лишь общее заключение, что эти колхские золотые статеры чеканились в продолжение нескольких десятилетий в разных краях, находившихся в слабом союзе с колхидскими царями и т. д. (ук. соч., стр. 166).

А. Апакидзе предполагает, что схематическое изображение на монетах из Бори, представляющее грубое подражание статерам Александра, снабжено арамейской надписью, которую он связывает с армазской письменностью и считает возможным расшифровать ее, как «бтиахши»⁴. Эта гипотеза не выдерживает критики, так как на монетах этого типа встречаются разные варианты искажений, что и открывает возможность к ошибочному чтению.

¹ Г. Гобеджишвили, ук. соч., стр. 360; А. Апакидзе, ук. соч., стр. 91; он же, Новый археологический материал из Бори, ВМГ, XII-B (1944), стр. 441—443; «История Грузии» под ред. С. Джанашия, ч. I, 1946, стр. 101—102; С. Макалатия, Земо-Авчальский некрополь, ИМГ, IV (1928), стр. 173—177.

² А. Н. Зограф, ИГАИМК, вып. 110, стр. 180.

³ Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана, «Труды общ. обследов. и изучения Азербайджана», вып. 3, Баку, 1925—1926, стр. 16.

⁴ А. Апакидзе, ВМГ, XII-B (1944), стр. 443—444.

Итак, перечисленные авторы не дают достоверных фактов, которые позволили бы признать эти монеты золотыми колхскими статерами. Для этого сначала следовало бы установить, что варварские подражания статерам Александра, которые найдены на территории Грузии, действительно являются настоящей монетой, т. е. чеканом государственной власти, обязательным номиналом для обращения. Для этого монеты эти должны иметь определенную форму, вес, лигатуру и государственные условные знаки.

Однако в разбираемых монетах эти признаки отсутствуют. Монеты этого типа у А. Зографа и Д. Капанадзе характеризуются так: монеты чрезвычайно грубые, вес их неустойчивый, в среднем не превышающий 1,5—5 г; чрезвычайно разнообразен в них и состав металла, варьирующий от чистого золота до бледного низкопробного электра в наиболее грубых образцах¹. По мнению А. Зографа, эти колебания в составе металла свидетельствуют о недостаточном умении очищать металлы².

По нашему мнению, эти факты указывают именно на то, что монеты эти чеканились не государством и что они не имели назначения денег. Последнее подтверждается также и тем обстоятельством, что эти монеты совсем не стерты от обращения. Известно, что техника чеканки монет и система денежного обращения в Колхиде в это время (I—II вв. н. э.) стояли уже довольно высоко. Известно, что в Колхиде чеканились серебряные монеты, так называемые «колхидки», которые имели определенную форму, вес и ценность. Колхидки были крупные (двухдрахмовые) и мелкие (полудрахмовые). Они чеканились с V по I в. до н. э., и в продолжение этого периода форма и вес их не менялись. Иконография монет была определенная и также не менялась. Все это показывает, что техника чеканки монет в Колхиде стояла довольно высоко, и в этом отношении колхидки не уступали лучшим монетам античного периода³. Это подтверждается также и тем фактом, что, когда римляне в 65 г. до н. э. захватили Колхиду и посадили Аристарха царем Колхиды, он чеканил полноценную монету с греческой надписью «Колхидского царя Аристарха»⁴. Монета Аристарха по технике чеканки и иконографии ничуть не уступает греко-римским монетам того же периода и является прекрасным образцом для изучения колхидской нумизматики.

Вместе с колхидскими монетами, как известно, в Колхиде обращались и греко-римские монеты, что было вызвано развитием внешней торговли; (особенно золотые статеры Александра Македонского, а впоследствии Лизимаха). Этому обстоятельству благоприятствовало то, что золотые монеты не чеканились в Колхиде, и эту потребность удовлетворяли золотые статеры Александра, которые вместе с эллинизацией распространялись повсеместно и имели значение международной валюты. Этим объясняется то, что золотые статеры Александра и Лизимаха найдены на территории Грузии в довольно большом количестве⁵. Но с течением времени количество золотых статеров Александра в обращении уменьшается, и можно предположить, что правители Колхиды именно тогда и были вынуждены чеканить такую золотую монету. Но в этом случае, если бы у них для этого был нужный запас золота, более целесообразным было бы чеканить свою монету наподобие серебряной колхидки.

Предположим, что правители Колхиды не желали этого по тем соображениям, что эта местная монета не могла заменить статеров Александра на международном рынке, но в таком случае колхидские правители должны были бы чеканить такую же полноценную золотую монету, как подлинные статеры Александра. Тем более, что, как мы выше указали, техника чеканки монет в Колхиде стояла весьма высоко. Если

¹ А. Н. Зограф, ИГАИМК, вып. 110, стр. 180; Д. Капанадзе, ук. соч., стр. 165—166; Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана и Закавказья, Баку, 1926, стр. 16.

² А. Н. Зограф, ИГАИМК, вып. 110, стр. 180.

³ С. Макалатия, Колхидская дидрахма, ИМГ, VII (1933), стр. 194—202.

⁴ О. Ф. Ретовский, Драхма Аристарха Колхидского, «Труды Москов. нумизмат. о-ва», III (1905), стр. 1—5.

⁵ С. Макалатия, Золотой статер Александра из сел. Рекэ, ИМГ, IV (1928), стр. 162—167.

чеканились серебряные монеты высокого качества, почему пельзя было чеканить золотые монеты хорошего качества, имеющие определенный вес, пробу и иконографию?

Кроме того, мы знаем, что мастерство золотых дел в этот период в Ибернии и Колхиде было весьма развито и здесь производили высокохудожественные ювелирные вещи и украшения, которые найдены в погребениях сел. Уреки¹, Клдести и Мдхета. Искусство этого периода авторы «Истории Грузии» характеризуют так: «Кроме остатков величественных архитектурных сооружений, сохранились и отдельные предметы, относящиеся к началу нашей эры и обнаруженные на территории той же Мдхеты (на общегородском кладбище в Самтавро и в аристократических усыпальницах у Армазис-хеви), а также в погребениях селений Бори и Клдести (близ Шоропани) и урочище Уреки (Зап. Грузия). Здесь найдены золотые украшения с драгоценными камнями и эмалью (кольца, браслеты, серьги, ожерелья), оружие, серебряная посуда, роскошные пояса, портреты, резанные на цветных камнях, золотые и серебряные монеты и много других ценных предметов. Значительная часть этих памятников исполнена с большим искусством, причем многие из них, судя по всему, представляют собой произведения местных мастеров...» (стр. 69—71). Исходя из этого факта, нам кажется сомнительным, чтобы столь плохие подражания статавам Александра, найденные на территории Грузии, выпускались местными правителями. Это явно противоречит культурно-экономической действительности тогдашней Колхиды и Ибернии.

Как известно, в 65 г. до н. э. римляне покорили Колхиду и Ибернию, где утвердили свое господство на 300 лет. В период римского владычества в Колхиде и Ибернии обращались разные монеты: монеты Аристарха Колхидского, парфянские и римские, особенно Октавиана Августа. Поэтому в этот период колхидские цари или правители не могли чеканить золотые монеты—подражания статавам Александра. Подобные золотые монеты никому не были нужны, тем более, что при римском владычестве и золотые статавы Александра уже вышли из обращения, а найденные в Грузии подражания статавам Александра относятся как раз к I—III вв. Кроме того, монеты этого типа в денежныхкладах не найдены, это также дает основание предполагать, что они не имели назначения денег.

Итак, приведенные здесь факты и соображения показывают, что найденные у нас золотые монеты—подражания статавам Александра—не являются денежной монетой, выпущенной каким-либо правительством или царем. Но, если это так, тогда ставится вопрос: кто и с какой целью чеканил эти монеты?

По нашему предположению, монеты этого типа чеканились частными мастерами для погребального инвентаря. Как известно, в древности почти повсеместно был распространен обычай класть монету в рот или в руки мертвеца для уплаты Харону за переход через реку в загробный мир. Обычай этот с древних времен был распространен и в Грузии, о чем свидетельствуют этнографические пережитки и исторические сведения. Историк Грузии царевич Теймураз, описывая обычай погребения у грузин, говорит: «Грузины покойника мужчине наряжают мужскими украшениями и оружием, а женщин женскими украшениями, кладут в рот золотые и серебряные монеты и так хоронят»². Эти сведения подтверждаются археологическими находками; особенно в погребениях античного периода Грузии мы находим у мертвецов золотые и серебряные монеты, между которыми попадаются золотые статавы Александра и Лизимаха³.

Таким образом, по обычаю, который был связан с культом мертвых, в погребения клались золотые и серебряные монеты. Но, по сравнению с серебряными, золотые монеты достать было труднее, поэтому в таких случаях вынуждены были обращаться к частному мастеру, который чеканил монету для погребения по образцу какой-либо золотой монеты. Из золотых монет, как было сказано выше, большой популярностью

¹ А. А п а к и д з е, ИМГ, XIV-B (1947), стр. 89—112; «История Грузии», под ред. С. Н. Джанашия, Тб., 1946, стр. 71—75; А. А м п р а н а ш в и л и, Новая находка в низовьях р. Ингура, Тб., 1935, табл. I—II.

² Теймураз Б а г р а т и о н, История Иверии, СПб., 1848 (на груз. яз.), стр. 52—53.

³ С. М а к а л а т и я, ИМГ, IV (1928), стр. 161—186.

пользовались золотые статеры Александра, которые вообще имели международное значение; поэтому в таких случаях мастера для образца могли брать золотые статеры Александра и чеканить их видоизмененные варианты. Этим и объясняется упрощение и низкая техника чеканки монет частными мастерами, а также искажение иконографии, разница в весе, в пробе золота и пр.

Видимо, подобными монетами пользовались менее богатые люди, и они обычно встречаются именно в их погребениях. Нужно отметить, что монеты грубого подражания в богатых погребениях питиахшей (эриставов) в Армазском (Михета) некрополе, где оказалось 37 золотых ауреусов и 29 римских денариев, пока не найдены. А между тем Армазский некрополь синхроничен с погребениями Клдееи, где были найдены 13 золотых монет грубого подражания статерам Александра.

Итак, монеты-подражания статерам Александра были распространены в Колхиде и Иберии в I—III вв. н. э. Чеканились они частными мастерами для погребального инвентаря. С такой же целью чеканились также грубые подражания римским монетам, например денарии Октавиана Августа¹, подражание золотому ауреусу императора Нумериана, найденное в погребении сел. Агаяни² и др.

С. И. Макалатия

РЕФОРМА ПИСЬМЕННОСТИ ПРИ ДАРИИ I

Вопрос об интерпретации § 70 Бехистунской надписи, содержащего указание на реформу письменности, проведенную Дарием I, еще до сих пор, поскольку я знаю литературу предмета, не решен со всей точностью и четкостью. Поэтому я позволяю себе предложить интерпретацию указанного текста, которая, как я полагаю, кладет конец спору о том, какую письменность Дарий повелел употреблять как официальную для дарских канцелярий всей обширной державы Ахеменидов.

Трудность интерпретации § 70 Бехистунской надписи усугубляется, как известно, тем обстоятельством, что персидский текст этого параграфа сохранился крайне плохо и не поддается связанному переводу. Кроме того, в данном отрезке персидской части Бехистунской надписи, т. е. в строках 89—92 ее четвертого столбца, имеются два слова, не поддающиеся истолкованию. Ниже приводится все, что сохранилось от строк 89—92 четвертого столбца персидского текста³ Бехистунской надписи.

ḡātiy (Dāaryavauš) xšāyaθiya vašnā) [a]u(89)[ramaz]dā [ha] i...
 dipi.....āmakunavam..tišama...ā..t.avast (90) [ā]ya[m]
 ...āxara..... [niyap]išam iya..ipi...namaθahavaġa⁴
iša....ādā(91).....mutāi....t(m)ā...tiya....ya
 ..i..iyāmā..⁵ pasāvaimadipi(92)...ima...āvatā
aⁿtardahyā(va) k]arahamaamaxamatā⁶

¹ А. Н. Зограф, Античные золотые монеты Кавказа, стр. 76—77; Е. А. Пашомов, Монеты Грузии, ЗНОИРАО, т. I, вып. IV, СПб., 1910, стр. 10—11.

² С. А. Макалатия, Археологические находки в сел. Сакобиано, Дабла-Гоми и Агаяни. ИМГ, XI-B, стр. 89; А. Н. Зограф, ИГАИМК, вып. 110, стр. 31.

³ Транскрипция по способу Meillet («Grammaire du vieux Perse», P., 1915). Использованы издания: Н. С. Толман, Ancient Persian Lexicon of the Achaemenid Inscriptions, transliterated with special reference to their recent re-examination, 1908, стр. 30 и Weissbach, Keilinschriften der Achämeniden, Lpz., 1911, стр. 70.

⁴ Слово, не поддающееся пока общепринятому истолкованию.

⁵ Здесь я следую Вейсбаху. Тольман дает: iyā mā[m]pasāva.

⁶ Этот глагол еще не может быть с полной уверенностью интерпретирован.

«Говорит Дарий царь: волею Аху(89)рамазды ...¹, писание я создал...
 (90)² я написал
 (91) и затем это пи(92)санне
 в сатрапии. Народ.....
»

Таким образом, мы действительно убеждаемся в том, что персидский текст § 70 Бехистунской надписи сам по себе ничего не может дать историку. В подобных случаях, когда персидский текст ахеменидской надписи сохранился столь плохо, исследователь обращается к вавилонской версии³ надписи, а затем и к эламской. В данном случае, к сожалению, персидский текст не был переведен на вавилонский язык, и имеется только одна лишь эламская версия, сохранившаяся, правда, полностью без малейшей лакуны; текст эламской версии написан высоко над рельефными изображениями, в отдалении от основной надписи, и поэтому она рассматривалась первоначально как самостоятельная надпись, так называемая Бехистунская надпись L⁴.

В настоящее время эламитология сделала очень большие успехи; установлено, что разговорным языком в Персеполе был эламский язык⁵, поэтому перевод эламского текста получает большую определенность.

Эламская версия § 70 Бехистунской надписи

(в латинской транскрипции⁶)

- (1) 17da-ri-ia-ma-u-iš sunkuk na-an-ri za-u-
 (2) mi-in^{an}u-ra-mas-da-na 1ú — stip-pi-me

¹ В переводе я обозначаю точками те знаки или группы знаков, а также буквы, которые я оставляю без интерпретации.

² avast[ā]ya[m] я оставил без перевода. Вейсбах (ZDMG, т. 61, 1907, стр. 730) готов был видеть здесь упоминание об Авесте. По мнению Hoffmann-Kutschke (см. ст. Вейсбаха, ZDMG, т. 63, 1909, стр. 844), avastāyam соответствует avastāyam Бех. надписи, I, стк. 66 и 69. Вейсбах прав, указывая на отсутствие добавления претерита в форме avastāyam, но он не прав, когда опровергает предположение Гоффманна-Кучке утверждением, что avastāyam «я восстановил» не может иметь в эламском тексте эквивалент hudda «я сделал», соответствующий всегда персидскому akuṇavam «я сделал» (там же). Дело в том, что мы имеем в § 13 Бех. надписи соответствие эламского hudda «я сделал» (в выражении sunkuk-me hudda «я сделал царствование») персидскому abavam (в выражении xšāyaθiya abavam «я сделался царем»).

³ Вавилонская версия имеет исключительное значение, так как дает возможность интерпретировать персидские тексты с максимальной точностью. Громадную помощь, которую может оказать вавилонская версия при интерпретации основного персидского текста, иллюстрирует перевод двух важнейших мест новой надписи Ксеркса о дэкта, иллюстрирует перевод двух важнейших мест новой надписи Ксеркса о дэкта, там персидский текст говорит об одной восставшей стране и об одном разрушенном храме дэвов. Вавилонская же версия употребляет и в том, и в другом случае множественное число, и поэтому мы имеем право сделать вывод, что в данном контексте единственное число в персидской части надписи обозначает коллективность.

⁴ См. историю этого вопроса в ZDMG, т. 63 (1909), стр. 837 сл.

⁵ Теперь, после открытия в «здании сокровищницы» многих сотен эламских табличек, при полном отсутствии древнеперсидских документов хозяйственной отчетности, предположение о том, что разговорным языком в Персеполе был эламский язык, еще более подкрепляется.

⁶ Я пользуюсь транскрипцией, предложенной и обоснованной Вейсбахом в его «Keilinschriften der Achämeniden», стр. XXXIV—XXXVI и XXXIX. На критику ее со стороны Борка, ZDMG, т. 64 (1910), стр. 575 сл., Вейсбах дал убедительный ответ в статье «Zur Kritik der Achämenideninschriften», ZDMG, т. 67(1913), стр. 272 сл.

⁷ Вертикальный клин, служащий детерминативом лица.

⁸ Детерминатив, стоящий перед словами, которые обозначают такие понятия,